

ИСТОРИИ

А у нас военный переворот

Августовскому путчу — 30 лет. Редактор «Медузы» Валерий Игуменов вспоминает, как с друзьями-студентами глазел на танки, сидел на баррикадах — и мало что успел понять

05:00, 19 августа 2021 · Источник: Meduza

Фото: Константин Махмутов / ТАСС.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Летом 1991 года нам было по 20 лет, мы были студентами университета и не собирались участвовать в политической жизни страны никаким образом. Утром 19 августа политика пришла к нам сама — в виде голоса диктора из радиодинамика и танков на улицах Москвы. Это был перебор даже для 91-го, когда советская система на глазах проседала и расплзалась по швам.

Сначала мы наблюдали за тем, что происходило на улицах, а потом неожиданно для себя оказались на баррикадах возле Белого дома — только для того, чтобы застать финал этой сюрреалистической истории. Все эти дни мы как будто были рядом с эпицентром важнейших событий, но так и не сумели попасть в него; не могу сказать, что тогда это нас сильно расстроило. Именно после августа 1991 года стало окончательно ясно: как раньше уже не будет, а как будет — вообще непонятно. Парадоксальным образом, это было очень комфортное ощущение — когда тебе 20 лет и у тебя на глазах рушится вся система.

АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ

Стыдные вопросы про август 91-го Что такое путч? Кто за что боролся? И хотел ли кто-то развалить СССР?

Хунта

Тем летом мы собирались в Крым. Правда, у нас не было ни денег, чтобы снять жилье, ни палатки, чтобы жить дикарями на берегу, и мы просто застряли в ДАСе⁽¹⁾.

Обещая себе что-то придумать — все менее уверенно.

ДАС не был совсем пустым даже летом, в нем обитали десятка четыре студентов и «вписчиков», которые каждое утро — то есть после полудня — посещали наш общий клуб, кофейню над столовой, чтобы выпить кофе и покурить.

По дороге в кофейню утром 19 августа 1991 года я встретил знакомого, который вдруг сказал: «Привет! А у нас военный переворот». Несколько секунд я молча смотрел на него, пытаюсь понять, что это за странная шутка и в чем здесь подвох. Так и не сумев понять, спросил: «Где это — у нас?» «В стране у нас», — ответил он и широко улыбнулся. «Да пошел ты», — неуверенно сказал я и двинулся дальше. Человек за моей спиной рассмеялся.

На одном из столиков в кофейне стоял маленький радиоприемник, вокруг него сидели несколько хмурых людей. Поставленный голос диктора говорил из динамика: «Соотечественники! Граждане Советского Союза! В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над великой Родиной нависла смертельная опасность»

— Что, правда переворот? — спросил я буфетчицу Люду.

— Правда, — не меняясь в лице, ответила она.

— И че теперь? — почему-то спросил я.

— Понятия не имею. Вам целый или половинку?

Со своей половинкой стакана кофе я подошел к людям с приемником.

— Что говорят?

— Крутят эту запись по кругу, а больше ничего не говорят.

— А кто это вообще?

— Какой-то Государственный комитет по чрезвычайному положению. Горбачева свергли, теперь они.

Газеты с «Обращением к советскому народу» Государственного комитета по чрезвычайному положению

Александр Неменов / AFP / Scanpix / LETA

Понятнее не стало. Выпив свой кофе, я пошел будить остальных: соседа по комнате Серегу и дружественных девушек Гулю с Илоной. Не сумев отказать себе в дурацком удовольствии, сказал им все то же: «Доброе утро! А у нас военный переворот». И наслаждался сложной гаммой чувств на их лицах.

Все вместе мы пошли в кофейню и послушали обращение ГКЧП еще раз. Потом кто-то сказал, что в центре Москвы — танки. И мы, конечно, поехали смотреть на танки.

Танки и бэтээры мы нашли прямо возле родного журфака, на Манежной площади, еще не застроенной

скульптурами с фонтанами. На них сидели военные, а вокруг бродили сотни людей — переглядываясь, неловко улыбаясь и спрашивая друг друга: «А что дальше будет, вы не слышали? Что говорят?» Кто-то пытался заводить разговоры с военными, кто-то протягивал им цветы — в основном красные гвоздики. Военные все больше отмалчивались, но цветы брали и складывали на броню. Моросил какой-то уже осенний дождь.

— И что, вы в нас будете стрелять, в свой собственный народ? — с надрывом спрашивала пожилая женщина военного в шлемофоне.

— У нас приказ стоять здесь, — отвечал он.

— Так вы будете в нас стрелять? — не унималась женщина.

Военный отвернулся с усталой гримасой на лице и стал смотреть куда-то вверх, будто спрашивая совета у звезд на кремлевских башнях.

— Не надо сюда залезать, упадете еще, ногу сломаете, — уговаривал кого-то офицер на соседнем бэтээре.

Там же, в толпе на Манежной, мы слышали новые названия ГКЧП — путч и хунта. Ассоциация первого уровня для советских людей: если военный переворот, значит, хунта. Только теперь она была не где-то в далеком Чили, а прямо здесь.

Военная техника и военнослужащие на Манежной площади
Москвы. 19 августа 1991 года

Андрей Соловьев / ТАСС

Смотреть на технику нам надоело минут через 20: все это напоминало то ли демонстрацию, то ли дурную театральную постановку — с оттенком какой-то фальши, нереальности происходящего. По Герцена⁽²⁾ пошли в сторону Пушкинской площади — уже метров через 50 ничего не напоминало ни о бэтээрах, ни о хунте, ни о военном перевороте. Обычный день, обычные люди, обычный город.

Вернулись в ДАС, жизнь в котором тоже никак не изменилась. В кофейне люди обсуждали два важных слуха: будет ли комендантский час и правда ли, что

запретят продажу спиртного. Первое волновало всех гораздо меньше — при желании в ДАСе или в ГЗ⁽³⁾ можно жить месяцами, не выходя наружу.

Защищать Белый дом в этот день мы не поехали — тогда мы вообще не знали о том, что есть такой «Белый дом» и что вокруг него собрались люди, которые намерены оказать сопротивление хунте. Мы решали более важный вопрос: что мы жрать-то сегодня будем. День закончился в точности так же, как он заканчивался в ДАСе всегда, — расписыванием бесконечной пули⁽⁴⁾.

О Белом доме нам рассказал на следующий день знакомый с биофака, он же вызвался съездить и проверить обстановку. Вернувшись ближе к вечеру, сообщил, что Белый дом — это «такая здоровая дура рядом с книжкой СЭВа⁽⁵⁾», что вокруг него уже построены баррикады из подручного мусора и что сегодня там был огромный митинг против ГКЧП. «Народу — ***** [очень много]», — подытожил наш разведчик.

Мы тут же решили, что, раз так, нам там делать нечего, и вообще, митинги — это тоска. День 20 августа прошел в стандартном ленивом летнем ритме, на который ГКЧП не оказал ровным счетом никакого влияния. То есть мы опять сели играть в преферанс.

Уже за полночь в нашу комнату прибежал все тот же биолог и молча переключил приемник с «Европы плюс Москвы» на новое радио «Эхо Москвы». Там, пропадая и появляясь вновь, какие-то люди тревожными голосами рассказывали, что на Белый дом идут танки, что начался штурм, что уже есть погибшие. Мы молча слушали.

И вдруг стало понятно, что прямо сейчас происходит что-то очень серьезное и очень важное, а мы это все пропускаем. Мы вчетвером решили с первым поездом метро ехать на станцию «Баррикадная».

Баррикады

От метро в сторону набережной шли десятки людей — самых разных возрастов и в основном совершенно гражданского, цивильного вида. Отслуживший в морской пехоте Серега вытащил из кармана и молча натянул на голову черный берет.

На полпути кто-то начал истерически кричать: «Танки! Танки идут!» Цепочка людей растерянно остановились. Тот же голос продолжал кричать: «Надо уходить наверх, к американскому посольству! Там не тронут!» Кто-то развернулся, кто-то побежал, но большинство людей, постояв минут пять и не обнаружив танков на горизонте, продолжили идти.

Дом оказался действительно белым и здоровенным. Железного забора вокруг него тогда еще не было, но со всех сторон его окружали не очень внушительные на вид баррикады из бетонных блоков, арматуры, уличных скамеек, фрагментов заборов из сетки-рабицы, досок и строительного мусора. На набережной стояли несколько сбившихся в кучу сине-белых троллейбусов.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

10 фотографий, объясняющих события августа 1991 года в Москве

За баррикадами виднелись разношерстные палатки, тенты и просто натянутые куски полиэтилена, рядом сидели и стояли тысячи людей, тянуло костром. Внешне все это напоминало смесь большого цыганского табора с Грушинским фестивалем. А между баррикадами бродил православный батюшка в рясе, с крестом и большой сумкой яблок, который поздравлял всех с Преображением Господним и благословлял.

Мы подошли к одному из проемов; на входе стояли какие-то люди, которые сначала убеждали всех вернуться домой — «Тут может быть опасно, и тут нас уже очень много», — а затем порциями запускали внутрь. На той стороне всем предлагали отойти вбок —

и пересчитывали. На цифре 100 подсчет остановился, какой-то человек вышел вперед.

— Здравствуйте. Мы будем Второй Украинской сотней. Я — ваш старший. Наш лагерь будет вот там, возле троллейбусов. Украинская — потому что будем стоять со стороны гостиница «Украина». Вторая — потому что первая уже есть. Вопросы?

Мы стали пробираться к указанному месту между кострами и палатками. Сидевшие возле них усталые и промокшие от ночного дождя люди смотрели на нас как на туристов, с чувством превосходства — или нам так просто казалось.

Завернув за угол Белого дома, увидели несколько танков. «Это наши», — сказал старший. Сидящий на одном из них танкист прижимал к груди какой-то сверток и умильным голосом повторял: «Спасибо, родные, не надо, у нас все есть, спасибо».

Сквозь толпу прошла небольшая колонна людей с автоматами, в касках и бронежилетах. Люди на ее пути расступались и начинали аплодировать. Кто-то закричал: «„Альфа“ с нами! „Альфа“ с народом!» Военные прошли быстро и сосредоточенно, не оглядываясь по сторонам.

Мы дошли до троллейбусов, сгрудились кучей. «Будем ставить палатки и обустраиваться, — сказал старший, — кроме того, все получают противогазы. На случай

возможного штурма». Противогазы скоро действительно принесли.

— Пантера! Пантера! Че не отвечаешь? — кричал Сереге откуда-то сбоку плотный мужчина в черном берете. Мы подошли.

Серега какое-то время объяснялся, что у них в Севастополе морпехов так не называли, что служил он такие-то годы в такой-то части, и, похоже, убедил. «Молодой со мной», — представил Серега меня.

Нас пригласили в палатку: внутри сидели пятеро солидных мужчин лет под 40, висел военно-морской флаг, было очень чисто и очень сухо, играла музыка. Немного посидели, о чем-то поговорили, пустили по кругу фляжку с коньяком. «Ну, давай, пантера, береги себя», — попрощался с Серегой наш новый знакомый. Мне кивнул.

Через некоторое время мимо нашего строящегося лагеря прошел крепкий приземистый мужчина в камуфляжных штанах и с буйной кудрявой шевелюрой. Зацепившись взглядом за Серегин черный берет, подошел. «В морской пехоте служил? Хорошо», — и пошел о чем-то шептаться с нашим старшим. Потом вышел на видное место.

— Меня Саша зовут. Передо мной поставлена задача по созданию отдельной группы для патрулирования

внешнего периметра. Нужны добровольцы, 15 человек. Кто служил в армии?

Вышел Серега — и еще два человека. Саша поморщился.

— Кто занимался боевыми искусствами?

Серега тут же начал отчаянно жестикулировать лицом, и я со своими девятью месяцами занятий кунг-фу Северного Шаолиня в школьном спортзале на Сходненской, конечно, вышел. Со мной еще десяток людей. Саша построил нас в колонну и повел за троллейбусы. Гуля с Илоной смотрели нам вслед, насупившись.

Вышли за баррикады, расселись на каких-то обломках. Саша рассказал о себе — что он разведчик, «афганец» и утром 19 августа приехал в Москву из Ленинграда на открытие фотовыставки об Афганской войне. И когда рядом с местом проведения выставки увидел танки, решил, что они — часть экспозиции. А потом уже сарафанное радио привело его к Белому дому.

Наша задача, говорил Саша, — патрулирование отведенной нам территории, предотвращение конфликтов, драк, выявление пьяных и провокаторов, наблюдение за окрестностями и доклад обо всем происходящем в штаб.

— А если на нас пойдет «Альфа»? Если штурм, — спросил кто-то.

— Если на нас пойдет «Альфа» или другие вооруженные люди, наша задача — вступить с ними в переговоры. Пытаться убедить их не начинать штурм, — ответил Саша.

Чуть помолчав, он продолжил.

— Но если начнется штурм, возможности вести переговоры не будет. Против нас сразу применят светошумовые гранаты. Это серьезная вещь, руками не пытаетесь прикрыться, прожжет сквозь руки. Поэтому сразу падаем лицом вниз, быстро отползаем как можно дальше и пытаемся убежать отсюда.

Баррикады возле Белого дома — здания Совета министров РСФСР.
20 августа 1991 года

Константин Махмутов / ТАСС

Отряд состоял в основном из студентов, но в нем были еще два прибалтненских пацанчика из Днепропетровска, дембель-91 и какой-то взрослый дядька, представлявшийся «бомжом СССР».

Саша приказал всем повязать на рукав белые повязки из медицинских бинтов — «чтобы отличать своих», велел вытащить из баррикад подручные средства вроде палок или арматуры и повел на осмотр зданий в соседнем Глубоком переулке. Редкие прохожие шарахались при виде полутора десятка людей с арматурой.

Саша сказал наблюдать, и мы наблюдали, изо всех сил озираясь по сторонам. После вылазки он спросил: «Что видели, докладывайте». Все молчали.

— Ну, какие-то мужики подозрительные стояли возле подъезда, — сказал кто-то.

— О! А что в них подозрительного? — оживился Саша.

— Ну... Рожи у них подозрительные.

Саша вздохнул.

— Значит, так. Молодец, что их заметил. Все молодые, у всех прически уставного образца. Одеты по гражданке, но все в берцах военного образца... В окне пятого этажа

виден человек, наблюдающий за Белым домом в бинокль или подзорную трубу... В окне третьего этажа... — и Саша говорил так еще минут пять.

Отряд пристыженно молчал.

— Это ничего, это нарабатывается со временем, — попытался утешить нас командир.

На обратном пути из-за угла на нас выехала черная «Волга». «Задержать», — приказал Саша. Но водитель нажал на газ и поехал прямо на нас. Все расступились, «Волга» проехала, кто-то бросил ей вслед дубину, отскочившую от борта и не помявшую машину. Глядя на наши расстроенные лица, Саша засмеялся.

— Ладно, идем назад.

Следующие несколько часов мы бродили по периметру Белого дома, слушая рассказы Саши и пытаюсь развить навыки разведчика. Из штаба каждый час поступало сообщение, что штурм может начаться через час. Или через два. Или в четыре утра. Что следует не терять бдительности и не расслабляться.

Задержали подозрительного человека, прятавшего под курткой рацию и удостоверение сотрудника Комитета государственной безопасности — на него, увы, тоже указал Саша. Очень радовались и побежали с докладом в штаб; там сказали, что это «наш, российский

кагэбэшник», потому удостоверение и рацию надо вернуть и его самого — отпустить. Встретили японского корреспондента с диковинным аппаратом в сумке на плече; японец сказал, что это спутниковый телефон и по нему можно звонить прямо отсюда. После третьего звонка «мама, привет, я с баррикад тебе звоню» японец вежливо попрощался и ушел. Развели в бочке возле троллейбусов костер и обжаривали на нем откуда-то взявшиеся сосиски. Сходили на соседнюю баррикаду, где тоже не происходило ничего интересного, хотя раз в час приходил слух, что штурм вот-вот начнется.

— Это уже какая-то военно-спортивная игра «Зарница». И хорошо. В следующий раз без стрельбы не обойдется, — говорил Саша.

Он почему-то был уверен, что этот следующий раз обязательно будет.

После полуночи по баррикадам прошел слух, что ГКЧП арестован.

Победа

Сходивший в штаб Саша рассказал: да, есть информация, что ГКЧП арестовали, но непроверенная, возможны провокации, пока не расслабляемся.

— У нас новое задание: встаем на этом входе, обыскиваем входящих на предмет оружия и алкоголя. Оружие изымаем, алкоголь выливаем, пьяных не пускаем, — добавил он.

Людей приходило все больше, многие уже шли праздновать победу и очень расстраивались, что с алкоголем к Белому дому не пускают.

— Мы же с вами, вам принесли! (*Расстроено.*)

— А можно я тут выпью и пройду? (*С надеждой.*)

— Ну, давайте вместе с вами накатим, за победу! (*Подмигивая.*)

— О, гляньте на них. Профессионально обыскивают. Вертухай! (*Злобно.*)

Несколько часов мы изымали кастеты, нунчаки и дубинки, уговаривали пьяных, выливали на землю водку и портвейн, обнимались за победу и не поддавались на провокации. Но к рассвету поток людей стал таким плотным, что пикет нам велели снимать как потерявший смысл.

Мы с Серегой тоже решили сходить к Белому дому — хоть посмотреть на него вблизи. К тому же кто-то сказал, что там раздают еду — якобы «Макдональдс» и другие дружественные компании подвозят ее ящиками.

Бургеров мы не нашли, но на одном парапете горкой

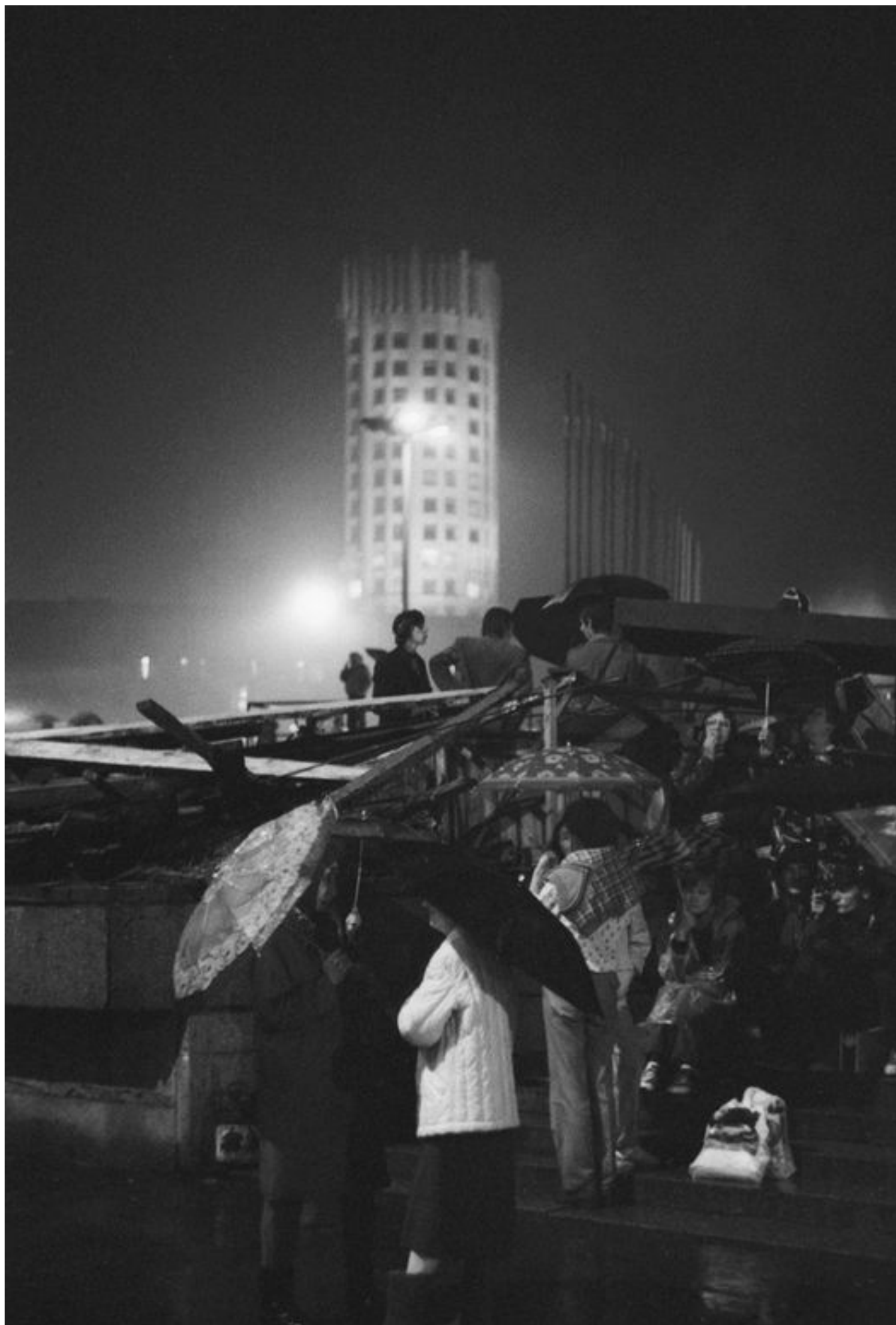
лежали палки сервелата, на другом — красные блоки «Астры». Мы скромно взяли две палки колбасы и блок сигарет.

Стены Белого дома напоминали стены Рейхстага в мае 1945-го — люди на них расписывались и писали лозунги вроде «Долой хунту!», «Забил снаряд я в тушку Пуго⁽⁶⁾» и неизменное «ДМБ-91». Возле одного из подъездов стояли несколько десятков бутылок с бензином и примотанными к горлышкам фитилями — негодились.

Горожане слушают радио у Белого дома

Константин Махмутов/ТАСС

Ноч на 21.августа у Белого дома
отвечал я.

— А мы тут медсестры. Готовились раненых принимать.

— Ну, тоже неплохо.

Но было понятно, что мы круче, и девчонки смотрели на нас с ревностью — или, может, так показалось.

Когда мы вернулись к своим троллейбусам, Саша принес из штаба пачку благодарностей Бориса Ельцина «Участнику обороны Дома советов РСФСР».

«СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЮ ВСЕХ ВАС
ЗА МУЖЕСТВО, ПРЕДАННОСТЬ РОДИНЕ
И СВОБОДЕ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ТЯЖЕЛЫЕ ДЛЯ
РОССИИ ДНИ 19, 20, 21 И 22 АВГУСТА» —
прописными буквами было написано на листочке.
Мы расписались на всех экземплярах (к сожалению,
я свой давно потерял).

Спрятали в карманы свои благодарности, пожали руки, обнялись. Было очевидно, что пора расходиться, но расходиться не хотелось. Будто чего-то не хватало, какого-то финала, конца, катарсиса. Людей становилось все больше; казалось, что здесь были уже не десятки, а сотни тысяч. Кто-то сказал, что с той стороны Белого дома скоро будет концерт в честь победы. А вот там составляют списки на вручение будущих медалей за оборону Белого дома, надо пойти и записаться.

Мы вместе с Серегой и днепропетровскими ушли на набережную. Те вынули откуда-то бутылку коньяка (не все участники патруля честно выливали все на землю) и даже стеклянные стаканы. Идущая мимо женщина с арбузом в руках улыбнулась нам и на ломаном русском поздравила с победой. Оказалась американкой. Мы с ней пили коньяк и закусывали арбузом — с неповторимым видом на Москву-реку, Белый дом и гостиницу «Украина».

После полудня мы с девчонками поехали домой. В метро люди оглядывались на нас — с белыми повязками, противогазными и медицинскими сумками. Какая-то женщина подошла и начала благодарить: «Ребята, вы оттуда? Спасибо вам огромное, спасибо за все!» Вдруг стало стыдно — мы же ничего не делали, за что нам. Повязки и сумки с плеч мы сняли.

На выходе из метро «Академическая» люди читали наклеенную прямо на стену подземного перехода «Общую газету». По пути в ДАС мы нарвали «золотых шаров» в палисаднике и купили бутылку «Зубровки», чтобы отметить победу.

Никого из отряда я больше никогда не видел. Серега потом умер. С Гулей мы не видимся. С Илоной мы поженились в 93-м.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

«Сейчас действительно решается будущее» История путча в дневниковых записях августа 1991 года

Валерий Игуменов

(1) ДАС

Дом аспиранта и стажера — одно из общежитий МГУ на улице Шверника, в котором живут студенты факультетов журналистики, биологии, психологии и ряда других.

[Вернуться к тексту.](#)

(2) Улица Герцена в Москве

Сейчас — Большая Никитская.

[Вернуться к тексту.](#)

(3) ГЗ

Главное здание МГУ имени Ломоносова на Воробьевых горах в котором в числе прочего расположены студенческие общежития.

[Вернуться к тексту.](#)

(4) Пуля

Расписать пулю — играть в преферанс.

[Вернуться к тексту.](#)

(5) Здание СЭВ

Комплекс зданий секретариата Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) на Новом Арбате, известный как «Дом-книжка».

[Вернуться к тексту.](#)

(6) Борис Пуго

Министр внутренних дел СССР, член ГКЧП.

[Вернуться к тексту.](#)

